В полнощи светлый юг сияет,
Течет живее в сердце кровь,
И осень, как весна, *вливает*
Наталье с Павлом в грудь любовь (3, 197) [19]

Эта любовь не отвлеченного характера, более приличествующего описанию отношений «императорских высочеств», а страстного в описании поэта. «Живому течению крови», образу, открывающему эту оду, сопутствуют далее «кристальны воды», что «бьют меж перл» (3, 201), и «на берегах» которых «между лавровыми древами» описан жар любви:

В тенях тут горлиц воздыханье,
В *водах* там лебедей всклицанье;
Супругов страстных всюду зрак (3, 197)

Итак, уже в первом печатном произведении Державина, оказывается, были заложены образы, связанные со сферой воды, к которым мы подойдем в этом исследовании тематически, разделяя сложное отношение поэта к этому элементу на ряд таких тем как: 1) автор и любовь; 2) автор и символика текучести, пены; 3) автор и вдохновенье, поэзия; 4) автор и смысл жизни; 5) автор и образ поэта, и т. д. Отметим также, что сам Державин вряд ли их сознательно разделял таким образом, так как они зачастую взаимосвязаны в его поэтико-философском восприятии мира. Мы не сможем уделить названным темам равное внимание и коснемся главным образом первой и пятой.

Неудивительно, что, поскольку Державин смог связать Павла I со стихией воды в оде на его бракосочетание, он вернулся к мотиву реки через пять лет, сам став «страстным супругом», хотя в его случае река послужила буквально преградой для любви, а не фоном идиллии. Я имею в виду стихи «Препятствие к свиданию с супругою» (1, 41—42), написанные непосредственно на берегу Камы, когда по ней шел лед, сделавший переезд невозможным. Задержанный на пути из своих оренбургских имений в Казань, где он оставил свою милую жену, молодожен засел в деревеньке Мурзихе и излил чувства сокрушения по этому поводу в стихах, которые можно считать частью своеобразного цикла к Пленире, первого в России цикла поэта, обращенного к жене, и начинающегося стихами к «Невесте» (1, 36—38). Слова с берегов Камы зачастую наполнены двойным смыслом. Например, строки «Укротися же стихия! Подстелися путь к стопам» можно трактовать и как намек на хождение Христа по такой же «стихии», и как наивное желание поэта повторить это чудо в момент непреодолимой страсти быть как можно скорее с молодой супругой, о которой он писал: «С нею вечен мой союз» (1, 41).

---

[19] Строфа 1